

The image features a dark blue background with decorative floral and leaf patterns in the corners. The patterns consist of various leaves and flowers in shades of orange, yellow, and light blue. The text is centered on the page.

ДАРИЯ ФАЙЕР

ЖИВИ

ПОБЕДИТЕЛЬ "WATTYS2016"

БОЛЕЕ 200 000 ЧИТАТЕЛЕЙ НА WATTPAD

Дария Файер

ЖИВИ

«Издательские решения»

Файер Д.

Живи / Д. Файер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905481-4

Натуралистическая драма «Живи» поведает Вам о бесконечном холоде реальности и тепле истинной дружбы, об ошибках, приводящих к необходимости бороться за жизнь, и о жертвенности, на которую отважится лишь отчаянный.

ISBN 978-5-44-905481-4

© Файер Д.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	13
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	16
ГЛАВА ПЯТАЯ	18
ГЛАВА ШЕСТАЯ	21
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	24
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Живи

Дария Файер

© Дария Файер, 2018

ISBN 978-5-4490-5481-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Моя костлявая и бледная рука медленно скользила по бетонной стене, а голова было занята некрасивыми мыслями и трагично грустной музыкой. Наверное, так стоит начать мою историю, потому что именно этот момент у меня в голове, когда я начинаю вспоминать события.

Как бы мне ни было противно здесь находиться, я признавала, что испытывать некоторую боль от самоутешения и драматизирования своей жизни мне нравилось. Нравилось находить аккорды, которые расшатывали что-то внутри и кололи в слабое место. Место, что я не могла понять: чувство там растекалось медленно и особенно мучительно, из-за чего я задерживала дыхание и сворачивалась, хватаясь рукой за лёгкие, чтобы ощутить эту странную боль, а потом выдохнуть и осознать, что стало легче и, возможно, мир вокруг меня не так плох. Это так по-подростковому – тонуть в своей печали и не понимать внутренние ощущения. Жизнь как будто настолько серая и бессмысленная, что не хочется выбираться из бездумных страданий и продолжать дышать. Но даже я понимала, насколько глупа в своих суждениях: мир может быть интересен, просто я его ещё не видела. Но однажды я просто застряла где-то внутри себя, и то, что было тошно в каждом моём дне, стало просто невыносимым. Выдыхать не получалось. Мне было больно. Я так часто чувствовала себя слабой и никчёмной из-за родителей, что слабость переросла в злость. Я ребёнок, который давно чувствовал и знал, что он не любим и даже не нужен, и при всём этом меня не могли даже оставить в покое, дошло до того, что даже присутствие моих родителей дома меня угнетало и приносило боль. Я чувствовала их ненависть ко мне – настолько прогнили родительские тела, что это стало ощутимо. И хотя когда-то появлялось желание узнать, за что они поступают со мной так ничтожно, но теперь я хотела просто уйти.

Внезапно дверь зашевелилась, и я поставила чуть слышную песню на паузу, снимая наушники. Звук вставляющегося ключа в дверь вызывал покалывание в ладошках и неприязнь в желудке. Неосознанный страх вызывал у меня злость, моё тело боялось, что, как только дверь откроется, дом обдаст запахом алкоголя с табаком – это как сигнал к боли. Не дав себе шанс встретить их глазами, я с визгом закрыла стеклянную дверь в свою комнату. Судя по звуку в коридоре, кто-то из двоих свалился, а дальше послышались ругательства. Я распахнула форточку и в очередной раз удивилась тому, что даже друг друга мои родители умудряются ненавидеть. И зачем они тогда живут вместе, и зачем вообще живут? Привязанность, наверное. Мне часто кажется, что в голове этих людей нет мыслей – просто слепые действия. Они никогда не рассказывали о своём прошлом, но уже и знать не хотелось, как они пришли к тому, где сейчас.

Прохладная и жёсткая кровать немного прогнулась под моим весом, тело затряслось от холода и страха, и я, накрывшись пледом, закрыла глаза, став прислушиваться к звукам за дверью.

Вскоре в доме стихло, после пары падений, разбитых рюмок и целой кучи произнесённых ругательств наступила тишина, даже храп не доносился до моей комнаты. Я открыла глаза. Непонятное ночное время, отвратительное беспокойство в груди и лунный свет, падающий через форточку в мою маленькую комнату, не давали мне заснуть. Как только я прогоняла мысли из головы, они снова настойчиво лезли одна за другой, и я даже не замечала, как начинала их смаковать и придумывать различные варианты продолжения этих раздумий.

Незаметно дневной свет стал красться на моё одеяло, и комната окрасилась в серо-синий цвет. Как только я сомкнула веки, стало светать – я моргнула пару раз, и сон ушёл далеко и надолго, самочувствие стало отвратительным. За дверью послышался шум, и я приняла сидячее положение на кровати, уставившись на стеклянную дверь, настолько мутную, что за ней

ничего не было видно – только разводы и выцветшая желтая рама. Этот день начинался так же, как и тысяча предыдущих. Как бы странно ни звучало из уст подростка, но школа хоть и являлась кусочком моей жизни, но была самой пустой её частью, последовательной, необременяющей, как будто я туда и не ходила. Там нет боли: все лица сразу стираются из моей головы, и как будто людей из школы и вовсе не существовало. Запомнил-рассказал-забыл – вот и всё. Я посещала занятия только из-за того, что это означало нахождение где-то вне дома. Я не думала о будущем, поэтому часто сбегала, и, как глупая маленькая девочка, кем я и являлась, бездумно гуляла – так и продолжалось долгое время. И хоть это и было слишком повседневным и слишком бессмысленным, самым неприятным был дом. Я снова откинулась на кровать и увидела фразу, которую написала пару лет назад.

«Снова и снова, день за днём я проживаю эти жалкие часы в окружении людей, омерзительных мне.»

Я видела её каждое утро и, каждое утро пробуждаясь, осознавала эти слова по-новому. Не помню, какая сегодня была дата, потому что дни считать было бессмысленно – всё не имело смысла. Но в это моё «сегодня», снова перекрутив смысл этих слов, я уже не смогла отделаться от мысли и предчувствия, что завтра, в это же время, эти слова исчезнут, испарятся, будто никогда и не были реальны, не были мною придуманы. Так и началась моя история, настоящая история моей жизни, потому что до того момента она не существовала, на моём месте была пустота.

Усталое от пустого существования, моё тело вновь, но уже полностью село на край кровати, свесив ноги и касаясь холодного и грязного пола. Глаза закрыты, а сознание уже – как утренний обряд – возвращается на пару дней назад в прошлое и проживает те моменты заново. Глупый организм думает, что если вспомнить и снова пережить то, от чего мне хотелось бежать, то сегодня получится избежать негатива.

Сначала в голове картинки того, что произошло три дня назад, – именно эти события опечатаются у меня в памяти, как часть моего пути. Не нарочно и очень неряшливо я развернулась к столу и рукой задела чашку с чаем, тем самым скинув её прямо на пол – в то же мгновение на меня уставился безумный от злости взгляд. Видя его лишь краем глаза, в основном чувствуя, я ощутила, как во мне зародилась буря негодования. Громкие высказывания в мой адрес смешались в неясный звук, и, если раньше я на каждое искала оправдание, то сейчас мне хотелось лишь, чтобы всё исчезло, абсолютно всё: я, дом, город, весь мир, чтобы просто ничего этого не было. И это чувство омерзения от моей семьи и желание не существовать пронзило всё моё тело. Тошнота подступила к горлу. Стараясь не показывать всем видом равнодушие по поводу разбитой чашки, я в мыслях проклинала объект своей ненависти. Справившись с осколками, я пыталась не закричать от взора, с такой ненавистью разглядывающего меня. Задержав дыхание, я смогла пройти мимо человека, не коснувшись его и миллиметром своего тела. Человека, что так противен, иначе не было бы другого выхода, кроме как провести час в душе. Даже нахождение в одной комнате с ними вызывает рвотную реакцию. Я вздохнула в другой комнате, но резкий запах алкоголя всё равно ударил мне в нос. Я хочу орать, кричать так громко, как только могу. Безысходность убивала меня.

Теперь вспоминаю кадры позавчерашнего дня. Сильно напрягая кисть руки, надавливаю ногтями на открытый участок кожи, дабы куда-то деть свою ярость и отвращение. Сделать хоть что-нибудь, потому что на другое я не была способна. Весь этот мир уже стал противен мне, хоть я его ещё не знаю. Не выдержав этого, я быстро встала со стула. На столе так и остался мой ужин, а за столом – мои родители, устроившие скандал, который не имел никакого смысла. Преодолев расстояние между кухней и входной дверью, я распахнула её с силой. Сентябрьский ветер сразу прошёлся по телу, вызывая несильную дрожь. Свежий воздух заполнил мои лёгкие. Волосы стали неряшливо лезть в лицо, но меня это не волновало. Всё омерзение к людям в доме начинало улетучиваться. Начало осени – это одна из тех вещей, которые мне нравились

и нравятся до сих пор. Даже несмотря на некоторую прохладу, это куда лучше, чем грязное тепло в доме. Мои же мысли делают мне ещё хуже. Сколько бы ни задавалась вопросами, я не могла понять: как так возможно жить? Эти люди – они настолько гнилые, ненавидят друг друга и всё вокруг, винят всё подряд, хотя вина в них, виновен каждый в том, что он делает и где находится. Не выдержав как всегда, я ощущаю горячие слёзы, которые стекают по моему бледному лицу, потому что солнце я не люблю и, когда оно появляется, старюсь спрятаться от лучей. Я ясно чувствую, насколько мои слёзы горячие в контрасте с оледеневшими ладошками, пытающимися избавиться кожу лица от них. Сейчас тепло, но от того, что плохо, меня немного морозит. Я не хочу так больше, надо хоть что-то поменять, иначе я не буду жить вообще.

Вчерашняя ночь. Переворачивая подушку на холодную сторону, я накрываю ею голову. Отчаянно пытаюсь отдышаться и выкинуть из головы сны, что принято называть ужасиками. Но мне приснилась моя существующая реальность. Темнота заполняет комнату, краем глаза мне видится источник света. Единственное, что я слышу, – это стук собственного сердца. Жар распространяется по телу, но даже это лучше, чем вылезти из-под одеяла и выслушивать постороннее дерьмо. Так или иначе, я снова начинаю слышать эти омерзительные звуки. Даже их дыхание мне отвратительно – часто приходится бороться с желанием вырвать им на лица и не видеть их больше никогда. Я снова ищу спасение в музыке. Приятный громкий звук любимой песни наполняет каждую клеточку моего тела, вызывая мурашки и мелкую дрожь. Я могу уходить от этого мира в чарующее сочетание звуков, что пленят моё сознание.

Внезапно, хотя внезапен этот звук был только для меня, потому что я погрязла в своих мыслях, шум подъезжающей машины выбил меня из потока воспоминаний, и, как бы я ни хваталась за остатки, мысли окончательно исчезли, дожидаясь, когда смогут снова вспыхнуть в моей голове. Я выглянула в окно и поморщила лицо, будучи удивлённой, но не заинтересованной. Возле нашего дома затормозила слишком подозрительная машина, совершенно не подходящая для нашего района – жизни здесь нет, так что и крутая машина ни к чему и незачем. Под любопытными взглядами, которые, вероятно, остались незамеченными, грозный мужчина с недоброжелательным видом аккуратно вылез из-за тонированной ярко-красной машины, неизвестной мне марки, и направился к нам в дом. Я была напугала в этот момент, хотя не удивилась бы, что мои родители заслужили столь грозного визита. Интерес всё-таки появился – я приоткрыла дверь в свою комнату так, что снаружи меня никто не мог увидеть, и стала ожидать. Отец открыл этому человеку дверь, они секунд десять, не меньше, смотрели друг на друга, как старые друзья, и это было более, чем очень странно. Взгляд мужчины был осуждающим – он окинул взглядом коридор. Отец начал мямлить что-то непонятное, но осуждающий мужчина, похожий на преступный стереотип, перебил его.

– И всё было ради этого? Ты стал пьяницей, ужасным мужем и противным человеком? Ты, наверное, и своего ребёнка обрёк на это? Или он даже не родился? Когда всё поменялось? Боб напрасно пострадал, и в этом твоя вина! А ты даже жизнь достойную прожить не смог.

Мысли произвольно стали метаться, интерес был инстинктивный, но мне не хотелось знать жизнь своего отца, наверное, ... Когда я предположила, что мой отец кого-то убил, интерес начал расти, но ненависть к нему подавляла любопытство. Я находилась в замешательстве. Я совсем не была намерена разбираться в этом чувстве – хотелось закопать память о том, что только что произошло, глубоко в себе, но где-то подсознательно меня уже тогда влекло узнать, в чём же замешан мой отец и почему всё в его жизни, а соответственно, и в моей, всё дошло до того, где есть сейчас. Я тихо закрыла дверь до конца, развернулась, но до меня всё равно дошли последние слова мужчины:

– Твои оправдания пусты, как и твоя жизнь. Так или иначе, я направляюсь в Манчестер, на старое место передержки, отвезу Джо конфискованную тачку – я надеюсь, это будет моё последнее дело в семье Джозефа. И мы с тобой больше никогда не увидимся. Хотя тебя Джозеф

уже давно не держит, но Роберт хранит злобу: Боб был ему дорог. Ты меня разочаровал. Хотя пятнадцать лет назад был моим наставником.

Моя грудь сократилась. Я хотела рассмеяться, но получился лишь немой смешок. Не могу поверить, что отец был кому-то наставником. Всё кажется слишком бессмысленным. После звука уезжающей машины я снова свалилась на кровать. Я хорошо понимала, что не желаю всё это знать, и была уверена только в том, что хочу уйти отсюда.

Это то, что происходило в моём тогдашнем «сейчас», но заигравшийся мозг пытался защитить меня от нервов и мои настоящие действия – выдавал мне, будто это всего лишь воспоминания. Я помню, что однажды просто сдалась: не могла жить такой застойной жизнью, убеждая себя, что меня совсем не интересует прошлое моих родителей и таинственный разговор моего отца. Я просто подошла к родителям и посмотрела на них в последний раз: мать сидела, согнувшись над столом; морщинистая рука была вытянута и пальцами сжимала горящую сигарету; стол был окрашен в выгоревший оттенок жёлтого – этого цвета тут слишком много. Я отметила пустые глаза, лишённые любого смысла, пепельницу, не мытую уже какой год, и отца, который с хрипом вдыхал вонючий воздух. Не давая себе шанса подумать, я неотчетливо выговорила что-то не совсем понятное: «Я знаю, что жизнь каждого – это его ответственность, но я не могу назвать своё существование жизнью, так что теперь я хочу, чтобы было иначе, я хочу жить и не по вашему течению жизни, потому что ваша жизнь – даже не течение – это застоявшееся болото. И мне противно в нём находиться, я хочу отвечать и осознавать свою жизнь, но для этого я должна выбраться из болота. Я никогда не была обязана быть случайным последствием вашей молодости и не обязана сейчас. Вы прогнившие и умершие изнутри, вы трупы, пока откладывая свои похороны на потом». Постепенно мой голос повысился, и, выплеснув всё это, я чувствовала, как гнев заставляет меня подготавливать оскорбления, чтобы причинить им боль. Но вместо этого я пропускаю мимо ушей недоумение и их попытки указать мне, что следует быть благодарной. Тело трясётся, руки горят и колются изнутри от нервов. Я чувствую их злобу на себе, вижу взгляды, сжатые кулаки и готовность проучить неблагодарную. Отворачиваюсь и просто ухожу, пытаюсь хоть немного разобраться в себе и в том, что я, чёрт возьми, творю.

И, наконец, шаг в начало моей истории. Безысходность, думаю, – это единственное чувство, которое переполняло меня в тот момент. Но назад пути не было. Тёплый, но резкий ветер нежно обволакивал все обнажённые места, проникая под воротник старого пальто. Он ещё больше сушил и без того обветренные губы, ударяя и задевая небольшие раны – результат нервов от отвращения к тем, кто окружал меня до этого времени. Ведь и у свободы своя цена. В моём случае, она слишком велика – оставлять в прошлом единственного дорожащего мной человека – соседского мальчика. Покидать мир, что стал мне омерзителен, и пытаться жить в чуждом мне.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Спотыкаясь в шаге от свободы

С сумасшедшей скоростью кровь разгоняется по венам, сильный поток воздуха подбрасывает опавшие мокрые листья, резкий свет фар ослепляет мне глаза. В голове формируется вопрос: но зачем я покинула дом, зачем решила, если вот так просто оставлю эту жизнь? Хотя смысла и цели в этой жизни нет, глупо даже думать о том, чтобы узнать о прошлом отца, ведь от него я и бегу. Остаются считанные секунды, прежде чем поезд настигнет меня. Я же это сделала, я вырвалась, больше на мне нет оков, больше нет той мерзости, больше нет... Свобода! Но ведь здесь мне некуда идти. Я против всего мира, одиночество разрывает меня. Хотя я всегда была одинока. Стресс накрывает меня с головой, и я чувствую, как дрожит каждая мышца на моем теле. Именно стресс движет мной в этот момент.

Мгновение – и громкий рык проезжающего поезда режет слух. Те самые мокрые редкие листья сталкиваются с поверхностью плаща, ещё одна секунда... и мое тело оказывается прижато кем-то к земле. Слишком быстрое дыхание и стук сердца, рывком я сбрасываю с себя беловолосую девчонку, что не дала мне быть сбитой поездом. Ужасно громкий шум вскоре исчезает.

Вновь это чувство вселилось в меня, да и навряд ли когда покидало. Слезы снова заслоняют пеленой глаза. Сложившаяся ситуация овладевает мной, и эмоции больше вне контроля.

– Ты что, с ума сошла? Ты хоть знаешь, что ты чуть не наделала? Ты вообще там жива? Не молчи! Боже мой! Я только что чуть не стала свидетельницей самоубийства! Да я, блин, жизнь тебе спасла, – ужасно сильный яростный вопль давит на мой слух. И только в нежелании больше это слышать я пытаюсь выдать из себя слова.

– Да замолчи уже, я в порядке. И, к твоему сведению, я не заставляла тебя это делать!

– Что? То есть мне не надо было спасать твою гребаную жизнь?

Из ярости тон на вид миниатюрной девочки превратился в возмущение.

Нервный смех заполнил небольшое пространство вокруг меня и дальше растворился в лесу. Резко поднимая и опуская грудь, я громко рассмеялась, несмотря на слёзы. Думаю, это выглядело специфично: девушка, пытавшаяся покончить с собой, лежит на кучке листы и громко смеётся вперемешку со слезами.

Снова отчаяние, снова. Только теперь я одна, я свободна, больше нет того дерьма, моя жизнь лишь моя и ничья больше. Мой взгляд устремлён в небо. Мне всегда нравилось смотреть на небо – это дает чувство свободы, безграничной свободы.

Девушка всё ещё смотрит на меня. Её голубые глаза исследуют меня заинтересованно, то рассматривая тело, то иногда вглядываясь в глаза. Сильный ветер развеивает её до жути белые волосы; можно понять, что, если она улыбнётся – будут видны ямочки.

Приподняв руку с листы, я ощутила приятный поток спокойного и тёплого воздуха. Немного покрутив ладонь, я снова опустила её на мокрую листву. Возможно, этим жестом хотела отвлечь себя, сосредоточившись на чем-то. Но попытка стала провальной.

Я борюсь сама с собой за жизнь. Раньше я боролась с тем, что окружало меня, сейчас же я борюсь за то, чтобы не прыгнуть под поезд и перестать вечно бороться. Просто желаемое спокойствие и всё.

Девушка, спасая меня, опускается на землю и прижимается спиной к дереву. Повторяя её действие, я замечаю сильную дрожь её рук. В её взгляде я нахожу себя – отчаяние и боль. Можно предположить, что она тоже не такая сильная, как я сначала подумала, что однажды она тоже пыталась обрести спокойствие. Ведь, если смерть такая, какой её описывают, то она прекрасна, наверное. Ты просто прекращаешь борьбу за жизнь и отпускаешь саму себя – зву-

чит заманчиво. Но я понимаю, что ни черта об этом не знаю, но желаю думать, что это именно так. Постепенно картинка перед глазами стала чётче, дыхание замедлилось, голова стала чище, и резко осознание того, что только что произошло, ударило в голову, словно что-то очень ледяное. Стало тяжело дышать – каждый вдох давался с усилием. Тело затряслось сильнее, чем прежде, и перед глазами стало темнеть. Рельсы, поезд и я, стоящая прямо на путях, показались сном, но сердце всё равно замерло, когда в голове мимолётно вырисовалась картинка надвигающегося поезда. Ещё секунда... Но всё же, несмотря на то, как меня это испугало, я не чувствую сожаления о случившемся, и нет желания переубедить себя, что самоубийство – это самая страшная ошибка.

– Мила, я Мила.

Внезапно её голос перебил моё падение в себя, и я приподнялась ещё выше, пытаюсь успокоиться. Вероятно, девушка увидела, что я на грани потерять сознание, и решила сделать первое, что пришло в голову, – вовлечь меня в знакомство, тем самым спасая во второй раз. Я повернулась к ней лицом и быстро несколько раз моргнула. Это так странно – она мне совершенно не знакома, но вот я смотрю на неё, и паника медленно уползает куда-то в дерби леса. Теперь я знаю имя своей спасительницы, но не понимаю, благодарить ли её: противоречивая часть меня думает, что она должна была дать мне совершить ошибку, ведь больше я вряд ли решусь на это и сейчас было бы куда легче просто потерять сознание, потерять себя. Однако приходит понимание, что находиться в тумане куда хуже. Тьма постепенно окутывает город, а звёзды становятся ярче. Многих пугает темнота, но темнота – друг человека, в ней можно спрятаться, в неё можно укутаться

– Дарси, если тебе интересно..., то это моё имя.

– Приятно познакомиться, Дарси.

Еле слышный голос девушки стал вселять ещё больше отчаяния, хотя куда ещё отчаянней может быть наше положение. Лес, ночь, поезда и далёкие звёзды.

Мне стало думать, что я её понимаю. Хотя единственное, что я знаю о ней, – это её имя, но для того, чтобы понять себе подобную, не всегда нужны слова.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вольная темнота в душе

Сгусток дыма вновь подхватил поток ветра и унёс вдаль. Я наблюдала, как Мила подносила к губам предмет моего пожизненного отвращения и заполняла легкие этой дрянью. Вновь обхватив фильтр своими бледными и покусанными губами, она выдохнула ядовитый дым, и он растворился в воздухе.

Я чувствую себя полностью потерянной, живущей сомнениями о том, чего я хочу и к чему меня тянет. Возможно, счёт моих желаний выровнялся, и я теперь одинаково сильно хочу узнать о своём отце, и просто бежать дальше от всего происходящего в прошлом. Встряхнув головой, я попыталась отогнать от себя эти мысли и просто идти дальше по выбранному пути, хотя и будучи не уверенной, что выбор был сделан и был ли он у меня вообще. Мне, точнее, нам некуда идти. Мила такая же, как и я, одинокая и отчаянная. Обессилевшими руками я вырвала остаток сигареты у неё из рук и выбросила подальше.

– Ты совсем сдурела? Что ты творишь? – её возмущение не заставило ждать.

– Ты спасла меня от быстрой смерти, чтобы убивать медленной?

Мой взгляд в упор устремился на спутницу, но вскоре она отвернулась, и мне отчетливо стала видна целая пачка. Тихо протянув руку, я аккуратно вытащила её и так же незаметно бросила под оледеневшие листья. Мила будет в бешенстве, когда узнает о потере. Возможно, этот жест был из-за простого отвращения к сигаретам, но, вероятно, уже сейчас я стала пытаться сделать ей лучше из каких-то внутренних побуждений.

Шагая по дороге, мы – две бездомные девушки – даже не особо думали о ближайшем будущем. Меня не волновало даже то, что случится через секунду. Может, собьет грузовик, или кто-то в этом ужасном мире захочет похитить. Я не держусь за свою жизнь, я просто отшельник, я просто бесцельно существую. Солнце уже вставало. Я шла с малознакомой девушкой по пустой дороге. Еле прикрывая пальто и засунув руки в карманы, старалась не подавать виду на плохое самочувствие. Думаю, и Мила тоже. На секунду я подумала поделиться с Милой мыслями о своей странной семейке, но порыв был неоднозначным. Ей просто незачем это знать, ей это не нужно. Мы не нуждаемся в целях и противоречивых намерениях.

– Здравствуйте, а у вас продаются жевательные мишки?

– Нет, но я могу предложить что-то похожее.

За стеллажами я слышала разговор продавца и пытавшейся его отвлечь Милы. Случайно обронив банку, я застыла на месте. Вскоре на меня уставились Мила и тот противный дядька, что являлся работником этого малозаметного магазинчика. Не оставалось другого выхода, как бежать. Развернувшись, я сумела не поскользнуться, а, наоборот, использовать в свою пользу жидкость, находившуюся в банке. Быстро оббежав стеллаж, я схватила Милу за крошечную руку, и на бегу нам удалось покинуть магазин. Сильный ветер полностью заглушал посторонние звуки, но раздражённый голос продавца было всё ещё слышно.

Вскоре мы завернули за здание, и, облокотившись, я пыталась отдышаться. Ледяной воздух проникал в лёгкие, создавая неприятные ощущения. Смех вырвался из моих уст, и Мила подхватила его. Я смеялась так громко, что всё остальное уходило на второй план.

– Боже мой, ты видела его лицо? – еле выдавила из себя Мила и снова громко рассмеялась.

– Что ты ему такое говорила?

– Что-то про мишек. Черт, не получилось ничего стащить, но это было весело.

Я игриво подняла брови и из-под плаща вытащила пачку чипсов. Мгновенно схватив её, Мила жадно и быстро стала заполнять ими рот.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Зарождение света на пути неизвестности

Раньше во мне было много страха, я боялась всего и в то же время была бесстрашной. Я всегда всем в лицо говорила, что о них думаю, но боялась, что они скажут в ответ. Я боялась даже своего отражения, но при этом смотрела в упор. Боялась шороха, но шла смотреть его причину.

Но сейчас всё изменилось: совершила слишком безбашенный поступок и должна бояться последствий. Но страха нет, я больше не боюсь... , наверное.

Моя жизнь – это океан, в нём слишком быстрое течение, и меня уносит всё дальше и дальше. Раньше я боролась, плыла против него, боялась, что меня занесет, и я не смогу вернуться. Сейчас же я даже не плыву: меня просто уносит, уносит в никуда, но в то же время всегда есть конечная остановка.

Люди – просто живые существа, они выполняют всякие функции для поддержания системы. Они все просто существуют, даже не задумываясь о своих действиях, как и я. Но сейчас мне кажется, будто мы живем из-за того, что просто отделились течению и незапланированными действиями, и я стала замечать то, на что раньше не обращала внимания.

Ложка, что держал мужчина за барной стойкой, выпала из его тощих пальцев и со звуком, который никто не услышал из-за громкой музыки, ударилась о пол, но никто не обратил внимания, кроме меня.

Девушка за соседним столиком уже полчаса пытается сбежать от парня, что ей надоедает своим непрерывным рассказом о какой-то технике. Он не замечает, что она незаметно щёлкает телефоном, видимо, в поисках Wi-Fi, которого тут и подавно нет. Это незаметно для всех, но не для меня. Ведь если бы он сейчас заметил, что ей это всё в новизну и совершенно неинтересно, думаю, он бы не тратил своё и её время на это. Думаю, они бы оба занялись чем-то интересным, возможно, даже полезным.

В этом малопосещаемом кафе в конце нашего родного городка под названием Блэкберн мы с Милой сидели возле окна. Думаю, при виде нас у многих возникала мысль, что мы наркоманы или что-то подобное, как и у нас при виде них.

Ведь, по сути, все люди – наркоманы, но наркотик для них – система. Система, на которой всё построено, по которой живут, а точнее, существуют все новые поколения. Ведь, когда люди начинают вливаться в эту массу, они уже не могут выделиться, им все больше и больше нужно это, и в конце концов они уже не могут без общества.

Касаясь с силой миниатюрными пальчиками стола, Мила создает мало слышную мелодию, и каждый удар бьётся в тон с биением её сердца. Это ещё раз доказывает, что надо лишь прислушаться, и ты услышишь то, что услышать почти невозможно, и увидишь то, чего не видят все.

Немного грязные светлые волосы свисали с плеч девушки, что стала моим другом. На одном из них покоилась моя голова. Я не думала, что будет дальше, даже не думала, как мы будем расплачиваться за ужин, не имея ничего ценного при себе. Внезапно я подумала, что, отдавшись этому новому и неизвестному мне миру, о котором из нас двоих больше известно Миле, меня не покидает странное чувство, будто я колеблюсь меж двух возможных путей моей жизни. Чтобы чувство отпустило меня, я решила уточнить себе, что теперь точно не собираюсь думать и пытаться узнать об отце и всей этой странности. Несмотря на то, что сомнения заставляли моё сердце биться быстрее, я старательно отгоняла их.

Мое внимание полностью захватил вид, открывающийся передо мной. Капли ледяного дождя с силой сталкивались с поверхностью другой стороны окна. Остальное для меня было

неважно, и нет ничего важнее на данный момент, чем именно эта секунда. Важно лишь настоящее, и сейчас для меня настоящее – это прекрасный вид на маленький город.

Краем глаза я видела силуэт, подходящий к нашему столику. Обернувшись, я устремила взор на официанта, и только сейчас меня стало волновать, как действовать.

– А теперь будем импровизировать, – еле слышно шепнув на ухо белобрысой, я немного улыбнулась.

Но не успели мы сказать и слова, как нас перебил официант:

– Поздравляю, Вы сотый посетитель кафе! Сейчас проходит акция, каждый сотый посетитель ест бесплатно! – с этих самых пор я стала думать, что Мила очень удачливая девушка. Ведь на меня удача даже не смотрит, тем более, не улыбается.

Выдав нам что-то похожее на карточку, которая была слишком цветная для этого немного мрачного кафе, официант мило улыбнулся. В ответ мы сделали то же самое и поблагодарили, сказав весьма странные слова из-за обилия эмоций. Странно, что никто из посетителей даже не повернулся в нашу сторону. Раньше я думала, что в таких случаях везунчиков одаривали аплодисментами, но мне-то не знать, что жизнь всегда оказывается не такой, какой ее идеализируют.

Быстро поднявшись, мы прокрались к двери и, как только закрыли её, громко засмеялись, после чего, обменявшись взглядами победителей, пошли прочь от этого места, хотя кормили здесь вкусно.

Мне стало казаться, что это одна из самых тёмных ночей, что бывают в Блэкберне. Тёплый ветер несильно сталкивался с моим лицом – только из-за нашего быстрого шага я это замечала. Мы не особо любили разговаривать, мы просто понимали друг друга без слов.

Прошло несколько часов с того времени, как мы покинули кафе, и я стала жалеть о таком выборе. Если судить по тому, что стало светлеть, я думаю, сейчас четыре часа утра. Ноги уже стали ватными, и мышцы ослабли из-за сильного давления. Где-то вдали был слышен шум проезжающих поездов. Посмотрев на лицо девушки, я увидела её отрешённость: вероятно, она о чём-то задумалась. Мы подходили всё ближе к путям и просто шли без какой-либо цели. Внезапно поезд остановился, и я стала внимательно вглядываться в надпись одного из вагонов товарного поезда – там четко было написано «Манчестер». В голове вспыхнули слова того мужчины, что был у нас перед моим побегом, об его планах направиться в Манчестер. Сердце стало бешено биться, и что-то внутри покалывало. Мой внутренний конфликт разбушевался, словно шторм в грязном море, но что-то подвигло меня уверенно сжать руку Милы и потянуть её к вагону. Внутри груди странно жгло. Я понимала, что не хочу этого делать, но просто не могла упустить этот шанс. Я действовала спонтанно из-за ужасно давящих побуждений откуда-то внутри. Милана странно на меня посмотрела и, не заподозрив что-то неладное, даже улыбнулась краешком губ, из-за чего проявилась небольшая ямочка на щеке. Мысли о том, что это необдуманно и неправильно, даже не думали посещать мою голову, и я не чувствовала какой-то ответственности перед Милой, а просто делала то, что делала, откладывая раздумывания на потом. В поезде будет время.

Мы подошли к предпоследнему вагону, и, когда кто-то вышел по неведомой мне причине, Мила быстро запрыгнула, подавая мне руку. Поставив одну ногу на поверхность, я почувствовала, как сводит мышцы и мне очень не хватает сна, нормального долгого сна. Мало что зная о товарных поездах, мы залезли через верх внутрь пустого вагона.

Прошло, по крайней мере, полчаса, прежде чем поезд снова поехал вдаль. Не уверена, что Мила прочла, куда мы едем, и что я хочу ей об этом говорить. Я ведь ещё ничего не знаю, возможно, я уже никогда не встречу того мужчину и не думаю, что это что-то изменит. Я точно не намерена говорить с ним, и я понятия не имею, зачем вообще села в этот поезд. Всё слишком быстро верится, и у меня даже нет желания схватиться руками за всё это и приостановить, чтобы подумать. Возможно, мне и стоит рассказать Миле о том, почему мы сели в этот

поезд, но это бессмысленно. Мой поступок очень глуп, но это не важно, всё не важно. Это обычное совпадение, и я просто убегаю от старой жизни, нам совершенно случайно попался поезд, который едет в Манчестер, и это совершенно ничего не значит. Эти мысли успокоили меня, и, дабы перестать себе так сильно противоречить, я выдохнула и снова наплевала на всё.

Я смотрела, как мы всё дальше и дальше удалялись от этого места. Странное чувство зародилось в груди: я покидаю это место, точнее, я уже давно не там, но теперь я действительно необдуманно уезжаю.

Я даже представить не могу, что меня ждёт в будущем, но впервые ощущаю, что мне не омерзительно. Мила не дает мне быть одинокой, но я всё же одна, и это то, чего я всё это время хотела. Я хотела владеть собой, и я чувствую, что владею сама собой.

В полусне я все же думала, думала обо всем, и, как всегда, это не давало мне полностью погрузиться в сон.

– Куда бы ты хотела поехать? – в моем сонном сознании созрел вопрос, который я донесла до девушки, что так же, находясь в полусне, отвечала:

– Я просто хочу уехать, уехать отсюда, уехать от ужасных людей, – не открывая глаза, я слышала слабый голос Милы.

– Да, я тоже всегда хотела уехать от ужасных людей, – на этой фразе я полностью провалилась в бездну сладкого сна.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Прекрасному есть место везде

Я почувствовала резкую боль в желудке, что и пробудило меня. По ощущениям прошло не больше сорока минут. Когда я приоткрыла веки, моему взору предстал смазанный вид на уходящую местность. Странное чувство пробудилось во мне, будто оттенки радости, что уже давно не поддавались моему восприятию. Яркое свечение солнца падало на край вагона, но до нас не доходило. Тихое дыхание Милы заглушал громкий рёв поезда. Меня снова пронзила резкая боль – пора наполнить желудок чем-то съедобным. Слегка тряхнув девушку за плечо, я услышала жалобный и томный вздох.

– Мила, просыпайся! – прошептала я, пытаюсь разбудить Милу наиболее тихим и эффективным способом. Но в ответ мне лишь послышалось что-то не членораздельное. – Милана! Пора просыпаться, давай же, – я сделала свои попытки разбудить её более громкими. И она всё же услышала меня.

Разглядев своё окружение, Мила задала вопрос, что интересовал и меня:

– Где мы?

Саркастично хихикнув, я всего лишь подняла плечи в знак того, что мне тоже это неизвестно и я знаю лишь конечную остановку, о которой не намерена сообщать Миле. Девушка пододвинулась к краю, и на её лице заиграли блики света. Мила была очень красивая, думаю, не будь она потерянная и отчаянная, она бы многого добилась в жизни.

– А кем бы ты хотела стать в будущем? Я имею ввиду, живя ты по системе? – девушка удивленно взглянула на меня, но всё же задумалась.

– Думаю, я бы хотела стать писателем, писать о прекрасном, писать о жизни. Но, увы, во мне слишком много мрака, где прекрасному нет места. А ты?

Задумавшись над её словами, я поймала себя на мысли, что никогда бы не подумала, что такая девушка, как Мила, могла бы стать писателем. Нет, скорее, актрисой или моделью, я считаю её легкомысленной – не знаю, что меня натолкнуло на этот вывод, но что-то во мне даже считает её глупышкой.

– Что, я? – вернувшись в реальность, я стала в упор смотреть на зеленоглазую.

– Ну, кем бы ты хотела стать? – я никогда не думала, что этот вопрос заставит меня всерьёз задуматься.

– Я... я не думала об этом, вообще... – отведя взгляд вглубь вагона, я была уверена, что девушка удивилась, ведь все рано или поздно думали о своём будущем, о карьере. Но не я, я не думала о будущем. Странно, что при нынешнем состоянии нашей жизни разговор внезапно зашёл о будущем, но мне действительно стало интересно, что у неё в голове и чего она хочет.

– Как думаешь, где мы? – переведя разговор на интересующую Милу тему, я стала размышлять. Мне по какой-то причине хотелось услышать её догадки. Правая нога занемела из-за жёсткой поверхности, и с горем пополам я встала, держась за стенку вагона. Я попыталась разглядеть местность, но из-за быстрого движения видела лишь, как пейзажи с бешеной скоростью сменяют друг друга.

– Не знаю... – Милана задумчиво свела брови.

– А где бы ты хотела оказаться? – впервые за всё время нашего знакомства мы вот так непринужденно разговаривали.

– Лондон, я бы хотела там побывать. Там живет моя тётя, но я никогда там не была, – настроение девушки изменилось, её голос стал печален, и это, как мне показалось, говорило о том, что будто в её сознание промелькнули плохие воспоминания.

– Думаю, я бы тоже хотела там побывать, – мы снова погрузились в тишину, и только звук движения поезда нарушал её.

Спустя пару минут тишины поезд остановился, и слышались издали чьи-то гневные голоса, но мы уже почти их не слышали. Минуту назад покинув поезд, мы ушли с путей, и, выйдя к месту, похожему на станцию, я увидела надпись: «Добро пожаловать в Манчестер». Волна смятения прошла по всему телу, тяжесть опустилась на плечи, но мысль о том, что мы бесцельно приехали в этот город, дала мне спокойно дышать.

Я сказала первое, что пришло мне в голову:

– Мы в Манчестере.

Переглянувшись с Милой, мы пошли куда-то вдаль.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Предательство принципов

Постепенно вокзал, где мы думали, что делать дальше, пустел. Все люди, словно тени, куда-то неслись. Кто-то спешил домой к своей семье и детям. Кто-то же с наступлением ночи спешил наполнить свой организм алкоголем в одном из манчестерских клубов, где люди бессмысленно проводили время, чтоб скоротать свою жизнь. Никогда не понимала таких людей и никогда бы не стала одной из них, я так думаю.

Вскоре мы остались одни, лишь иногда кто-то проходил мимо. Маленькая ладошка Милы схватила меня за запястье. Резко поднявшись, не сказав ни слова, она повела меня в неизвестном направлении. Через пару секунд я поняла, куда мы направляемся.

– Мила, это глупо и к тому же почти невозможно! – мы остановились около закрытого ларька.

На что она немного улыбнулась и начала дергать за ручку. На горизонте кто-то показался.

– Эй, там кто-то идёт, – я как можно тише оповестила её об опасности.

– Сейчас... – силуэт подходил к нам всё ближе. Взгляд охранника, как я позже поняла, был устремлен вдаль.

– Мила, нас арестуют за взлом, – злость и нежелание попасться переполняли меня – это сказалось на моем голосе.

– И за кражу, – немного хихикнув, она отомкнула замок, всунув заколку-невидимку в проём. Казалось, так бывает только в фильмах, но через миг я подумала, что все фильмы снимают о жизни. Даже в фантастике есть доля реальности.

Мгновение – и мы вбежали в помещение, тихо закрыв за собой дверь. Взглянув в замочную скважину, я наблюдала, как охранник прошёл мимо магазина, не обратив внимание на шум, что издавала Мила. Её забавляло моё поведение.

Взяв пакет, девушка стала бросать туда всё, что попадалось под руку, а я огляделась в поиске камер. Хотя, это лишь маленький магазинчик. Откуда здесь камеры?

«Но он же в Манчестере», – добавило моё подсознание.

Вскоре мы покинули ларёк и, наугад выбирая дорогу, ушли подальше от этого места. Ноги сами тянули меня вперёд, возможно, от страха только что содеянного, но, так или иначе, мы оказались на мало оживлённой улице. В конце виднелись очертания заброшенного дома. Ускорив шаг, мы дошли до здания, внутри которого было холоднее, чем на улице. Бетонные стены, кое-где покрытые обоями, на полу валялось стекло, которое невозможно было сразу разглядеть из-за темноты. Обернувшись назад на выбитый дверной проём, я увидела и мигающий фонарь, по виду стоявший ещё со времён, когда здесь кто-то жил. Когда я опустила голову, мне в глаза бросилась стоящая красная тачка, совсем не вписывающаяся в данное место. Фонарь слабо освещал машину, из-за чего алый цвет переливался. Я была не в состоянии оторвать взгляд от машины, потому что могла поклясться, что именно такая была у загадочного мужика – старого друга моего отца. На секунду по телу пронеслась дрожь дежавю, казалось, что жизнь сама несёт меня к тому, чего я решила не делать. Но эта машина явно стала казаться мне знаком – и если это действительно та самая машина, то это невероятно, что она всё ещё здесь. Сомнения уже чуть не заставили меня плакать, как тут рука Милы коснулась моего плеча, и, проследив за объектом моего наблюдения, она начала говорить:

– Я думаю, что, судя по всему, эта тачка в угоне, а тут её прячут, пока полиция по близости. В нашем мире это не редкость.

Не оборачиваясь на её голос, я кивнула в ответ.

– Мила, я, эм, хотела тебе кое-что рассказать... – нервно перебирая пальцами от волнения, я тихо начала разговор и тут же впала в небольшой ступор: это всё неправильно, я не хочу ей говорить, тем самым делая всю эту ситуацию более реальной и ощутимой.

– Да? – робко спросила девушка, убрав руку с моего плеча.

– На самом деле это не особо важно. Кстати, я удивлена твоим знаниям жизни на улицах, – как можно увереннее сказала я, но голос всё равно звучал весьма подавлено.

Мила в ответ лишь хихикнула и побежала на второй этаж, а я последовала за ней. Всё больше и больше я удивлялась новым открытиям на её счет, у неё как будто есть большой опыт выживать в таких условиях, и она чувствует себя весьма комфортно в таком течении жизни.

Оказавшись наверху, я подошла к окну. Отсюда открывался неплохой вид, половину которого закрывало здание на противоположной стороне, но всё же я видела огни этого города: они светили ярче звезд. В центре Манчестера никогда не было темно.

Мои размышления перебил звук стекла. Резко развернувшись, я наблюдала, как девушка разбрасывала стекло вокруг себя и уже на чистое место ставила пакеты. В углу комнаты стоял старый и рваный диван. Один из пакетов я перенесла туда и, открыв, заметила бутылку чего-то спиртного. Взяв её в руки, я повернулась к Миле, на что та лишь пожала плечами. Я уже хотела высказать своё мнение насчет того, что эта жидкость отвратительна и что она убивает, но внезапно на меня свалилось понимание, что сама моя жизнь отвратительна и мои принципы бессмысленны на фоне всего происходящего. Я сейчас нахожусь в заброшенном доме с девушкой, с которой я почти не разговариваю, и ворованными продуктами.

Открыв бутылку, я приставила её к горлу и стала вливать в себя яд, что медленно убивает. Резко я почувствовала сильное жжение в горле. Я слышала лишь свой кашель, а перед глазами всё начало двоиться. Когда я смутно разглядела ошарашенное лицо девушки, мне резко стало смешно от того, что я делаю и что происходит, а Мила делает вид, что так и должно быть. Я стала смеяться, как сумасшедшая. Я предала свои принципы и предала себя, и я сама себе отвратительна. Начав задыхаться, я не могла остановить смех. Подбежав ко мне, Мила посадила меня на диван и стала что-то орать.

Но я всё смеялась, уже смотря на неё, смеялась и вдруг почувствовала тот момент, когда слабость и никчемность одолевают тебя. Подставив ладонку к лицу, я вытерла слёзы и вновь взяла бутылку. Мила попыталась вырвать её у меня, опять что-то говоря, но я уже не замечала ничего. Сделав пару глотков, я сильно поморщилась и стала учащенно дышать.

– Ты в порядке, что это было? – когда я разобрала слова Милы, мне опять стало смешно.

– Нет-нет, Мила, я не в порядке, а что, не видно? Ты не в порядке, мы не в порядке! – сорвавшись, я стала истерить. Взяв своё лицо в руки, я опустила его на ладони, согнувшись.

Мила взяла бутылку, и, глотнув немного, передала мне – я сделала то же самое. Я ужасна, я чувствовала себя слишком дерьмово, чтобы остановиться, и уже перестала отдавать отчёт своим действиям.

Когда мы вышли из здания, всё передо мной кружилось, я даже не понимала, где мы. Выставив перед собой руки, я поняла, что уже не могу управлять собой. Снова, это как дежавю, я снова не владею собой, я как будто сплю.

Мила шла впереди меня – она не могла ровно идти, шатаясь из стороны в сторону, и пару раз чуть не упала. Думаю, я шагала так же. Перед собой я вновь увидела ту красную машину, и этот цвет стал казаться мне агрессивным, впивался в глаза и заставлял чувствовать себя ничтожно, как и моя семья это со мной делала. Даже сейчас они не оставляют меня, и я чертовски сильно это ненавижу. Вглядываясь в сверкание поверхности тачки, я чувствовала, как внутри что-то жётся, как закипала моя кровь от ненависти: я ненавижу всё это. Уходя из дома, я надеялась, что меня все просто оставят в покое, но, думаю, этого не происходит ни с кем. Люди, события, чувства никогда не оставляют в покое других людей, и это осознание давит

на меня. Я так сильно в этот момент ненавижу отца, и его друга я тоже ненавижу, ведь из-за него я узнала то, что не оставляет меня в покое.

– Ненавижу, – заикаясь, произнесла я и задумалась, после чего, через пару мгновений, схватила кирпич и разбила стекло, сдавлено крикнув: – К чёрту всё!

Не осознавая, что делаю, я села впереди, а рядом – Мила, которая была не особо против творить это безумие, и я стала заводить машину, будучи не удивлённой, что ключ был на месте. Мне было весело, очень весело и одновременно ненавистно. Я развернулась, зная лишь азы вождения машины, и через мгновение мы почувствовали столкновение – машина врезалась в стенку. Я вышла из неё и, развернувшись, неотчетливо увидела каких-то мужиков. Один из них грубо произнес:

– Ну что, покатались?

Я почувствовала резкую боль в затылке. Следующее, что я помню, – это то, как кто-то схватил меня и посадил в чёрный джип.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Падая на колени перед лицом жесткости

Холод сковал моё тело. Я чувствовала, как он проносится по нему; ноги онемели. Боль заставила меня пробудиться. Я издала странный звук, похожий на писк; голова разрывалась и с каждой секундой всё больше и больше. Я не могла пошевелить конечностями.

Когда я приоткрыла глаза, на меня стали обрушиваться воспоминания вчерашнего дня, всё обрывочно: я помню дом, улицу, машину... Последнее событие, что вспомнила, заставило меня резко приподняться, о чём я сильно пожалела. Всё перед глазами поплыло и почернело, и я тут же с шумом упала обратно. Боль была невыносима, словно меня кто-то избил, и все кости были сломаны, но следов побоев я не обнаружила.

Вновь открыв глаза, я стала более или менее расплывчато видеть. Первым, что попало в поле моего зрения, была беловолосая бледная девушка, и я узнала в ней Милу. Тяжесть сожаления камнем упала на грудь и стала сдавливать рёбра. Находясь в недоумении от происходящего, но более или менее что-то осознавая, я поняла, насколько была глупа, когда тянулась в сторону той жизни, которая происходит сейчас. И самое страшное – я тянула за собой Милу, даже не рассказа ей куда... И за всё, что сейчас происходит, ответственна я... Еле дотянувшись рукой до тела, я дотронулась до её плеча, но она не подавала признаков жизни. Сильный испуг дал мне немного сил, и я сильнее стала её тормозить, на что Мила открыла глаза и, в отличие от меня, резко поднялась, начиная громко дышать. Оглядевшись, она заметила еле живую меня.

– Дарси? Что... что произошло? – почти неслышно проговорила испуганная девушка.

– Я... не... знаю... но... прости меня, – сил говорить у меня не было, но я понимала, что надо взять себя в руки, чтобы понять, где мы именно.

– Черт, что произошло? Где мы? – оглянувшись, стала паниковать девушка.

Мы находились в маленьком помещении, стены которого были из бетона. Теперь понятно, почему так холодно: возможно, это подвал.

– Я... мне страшно и стыдно, но ты должна меня услышать, я должна была рассказать раньше, но просто не могла... – собравшись с силами, я приподнялась на локти и стала рывком произносить слова. Мила уже стояла на ногах и со сведёнными бровями странно на меня поглядывала.

– Ты о чём? Что рассказать? – пара зелёных глаз давила на меня, пот прошиб тело, всё смешалось воедино, но рассказать правду было самым маленьким страхом на данный момент.

– Я узнала того человека, который засунул тебя в машину. Я узнала его, потому что он приходил к нам в дом в то утро, что я сбежала и кинулась под поезд. Он вёл с моим отцом странной диалог, и я узнала, что он собирается в Манчестер. Я, честно, не хотела ехать за ним, но так получилось, и... – слёзы застилали картинку перед глазами, я не могла больше внятно связывать слова.

– Так... получается, мы тут не совсем случайно? – тихо и робко спросила Мила.

Я медленно и неуверенно кивнула.

– Дарси, как бы то ни было, сейчас это уже не важно. Но спасибо, что рассказала, и, к тому же, ты не знала, что всё так произойдёт. Так что я совсем тебя не виню. Ты думаешь, что все эти люди связаны с твоим отцом? Кто он вообще такой? – Мила упёрла руки в бока и начала кусать губу, делая сосредоточенное лицо.

– Мой отец простой алкоголик, но тем утром я узнала, что у него есть прошлое. И он был связан с этими людьми, но уже давно нет, и, судя по всему, расстались они на неприятной ноте, так что им лучше не знать мою фамилию, – удивлённая её реакцией, я вытерла слёзы.

– О, ясно, почему тебя влекло узнать правду... – Мила огляделась и вздохнула.

Девушка подошла к двери и стала прислушиваться. Но вскоре, оставив это дело, она подошла ко мне и подала руку. Я крепко схватила её и оперлась второй о стену. Не ожидала, что в ней столько сил, учитывая нашу слабость, но она подняла меня. Я еле стояла на ногах, и у меня было очень сильное желание упасть обратно.

У углу стоял маленький старый стол. Аккуратно держась за стену, я медленно подошла к нему и попыталась сесть, но стол скрипнул, и ножка сломалась, со звуком упав на пол. Мила резко обернулась, испуганно смотря на меня. За дверью послышались голоса.

– Ты в своем уме? Зачем ты привел их в нашу штаб-квартиру? – мужской голос на повышенных тонах спрашивал кого-то.

– Они разбили машину босса, тем более, они симпатичные, Джозефу понравятся, – ещё более сердитый, но знакомый голос ответил первому.

И без того сильная дрожь увеличилась. Если бы в мои руки сейчас попала кружка с водой, я бы её не удержала. От этих мыслей страшная жажда стала меня мучить ещё больше.

Помещение, где мы находимся, замкнутое. Единственный выход – через эту дверь. Заметив щель в замке, я подошла к двери и, так же еле удерживая вертикальное положение, стала всматриваться туда. Два человека, что я увидела, до безумия пугали меня, и одного из них я снова узнала. Они вновь начали что-то говорить.

– После этого их придётся убить, – смотря в упор на второго, без особого энтузиазма проговорил первый. На лице у него был огромный шрам. Встреть его в обычной жизни, я бы поняла, что он бандит. Слова его пронесли у меня эхом в голове, но самое страшное – это то, что они могут сделать до смерти.

Я посмотрела на девушку. В глазах у неё я увидела сильный страх и безысходность, что, впрочем, можно было прочесть и в моих.

О чём они говорили дальше, я уже не слышала. Отойдя назад к стене, я медленно скатилась по ней. Сил не было даже на слёзы. Я бы потеряла сознание, не будь мне так больно физически – эта боль позволяла взбодриться.

Вдруг Мила, смотрящая в скважину, помахала мне рукой, призывая подойти. Ноги уже совсем меня не держали, но всё же я встала и направилась к двери. Посмотрев в щель, я стала прислушиваться к тому, что они говорят.

– Босс приехал, – к охранникам нашего заточения подошёл парень. Видно было, что он молодой – я бы никогда не подумала, что он один из них. Рыжие волосы неряшливо лезли в его светлое лицо, но по взгляду было понятно, что он такой же, как и они: жестокий, хладнокровный, возможно, убийца.

– Спасибо, Йен, разбуди пока девушек, – отдал приказ тот, что со шрамом, и вскоре они покинули помещение.

Парень взял ключ и начал открывать дверь – вся моя жизнь словно превратилась в неинтересный фильм и пролетала в моем сознании. Моя жизнь же, по сути, не значимая. Уверена, меня никто и не ищет: я не нужна своим родителям, я как потерянный щенок.

Дверь со скрипом открылась, и ярко-голубые глаза парня встретились с моими. Не знаю почему, но мне не было страшно. Что-то пробудило во мне чувство, что он не причинит вреда. Эта секунда длилась слишком долго, словно время остановилось, но вскоре я поняла, что это всё – моё больное сознание. Нас же скоро убьют, возможно, он...

– Всё с вами понятно: потерянные, сбежавшие из дома, не отвечающие за свои действия, – спокойно и решительно, без запинки парень стал насмеяться над нами, и тут я поняла, как ошибалась.

Рыжеволосый, как робот, стоял и пялился на нас, точнее, на меня. Я же перевела взгляд на Милу. Она смотрела на правую руку парня – в ней он держал ключи. Думаю, боковым зрением он заметил это.

– Нас... убьют? – на последних словах мой голос исказился, а из глаз потекли горячие, обжигающие слёзы. Я уже не чувствовала своё тело из-за холода.

– — О, нет. Точнее, да, убьют, но не сразу. С вами сделают то, после чего вы будете просить о смерти, – — каждое слово, словно лезвие, доставляло боль и страх.

Мои ноги подкосились, но сильная рука парня схватила меня за плечо; я встала и резко убрала её. Он же усмехнулся и выдал:

– Что, действительно так холодно? Но ничего, скоро вас это волновать не будет, – всё это время он смотрел на меня, будто это касается только меня, но всё же он говорил «вас».

Я бы хотела сейчас сказать много чего, я бы хотела выговориться, оскорбить, чтобы он почувствовал хоть немного того, что чувствую я. Но вместо этого я молчала, сил не было даже рот открыть, да и сформулировать мысли боль в голове не дает – я просто стояла неподвижно.

Йен повернулся и вышел за дверь. Из последних сил я подошла и обняла Милу. Если это последний день моей жизни, то я рада, что я сейчас с ней.

– Ты самое лучшее, что случилось со мной, и спасибо тебе за всё. Спасибо просто за то, что появилась в моей жизни, – я шёпотом говорила ей прощальные слова, слёзы заполнили мои глаза, всё лицо онемело ещё сильнее от плача.

Но Мила не плакала – она всегда была такая сильная, не поддавалась ситуации, и даже сейчас, когда я была уверена, что всё, это конец, в ней осталась надежда. Возможно, даже надежда на то, что нас просто убьют.

Дверь распахнулась вновь, и теперь к нам зашли два противных типа, что обсуждали нашу смерть. Открыто разглядывая нас, один посмотрел на другого и ухмыльнулся. В следующую секунду мужик со шрамом на всё лицо сильно и жёстко схватил меня за локоть, выводя из помещения. Оглянувшись, я увидела, как Мила стала вырываться. Немного ей улыбнувшись, я всё ещё наблюдала, как она попыталась его ударить, но он схватил её за обе руки сзади. Мила продолжила вырываться, по пути матерясь на него.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сильный свет ударил мне в лицо. Я немного поморщилась и остановилась, но меня подтолкнули, и, если бы не держали за руку, я с лёгкостью могла упасть. Знаете, есть такое сильное чувство разочарования, когда ты сильно чего-то хотел, но у тебя забирают возможность получить это. Так вот, у меня сейчас чувство очень сильного разочарования: у меня скоро заберут мою жизнь, и я просто уже оставила все попытки бороться. Так намного легче просто опустить руки и признать свою ничтожность. Жаль, что только в такие моменты во мне срабатывает программа самосохранения, и я начинаю ценить каждое прожитое мгновение.

Каждая секунда длится слишком долго, каждый мой вздох может стать последним, я будто живу в замедленном действии. Перед глазами всякие картинки, будто это не реальность, будто я сейчас проснусь, и всего этого не будет. Но, увы, это всё сейчас происходит на самом деле.

Вдруг меня остановили, сильнее сжав руку, где уже образовался синяк. Перед нами остановился чёрный джип, и вскоре из него вышел омерзительный и не менее пугающий человек, так же омерзительно осматривая нас, словно товар. Это всё так отвратительно, я уже хочу быстрее со всем этим покончить.

– У них есть родители? Родственники? – лысый мужчина задал вопрос наигранно низким голосом.

– Мы этим не интересовались, мы... даже... не знаем их имен, – виновато стал мямлить один из его пешек.

– Идиоты, мы бы могли на месте разрешить спор с машиной, что мне не так дорога, как моя жизнь, которая будет под угрозой, если у них богатые родители, – босс выплюнул эти слова в морду человеку со шрамом. На что тот ответил:

– Мы об этом не подумали, ведь по ним видно, что нищие, – отведя взгляд в сторону леса, он, словно маленький провинившийся мальчишка, боялся получить, нагоняя от отца.

– У меня сейчас встреча, но я ненадолго. Когда приеду, чтобы вы знали о них всё.

Уже спокойно, но всё равно со злым взглядом, после того, как ему передали стопку идеально сложенных бумаг и пару папок, босс сел в машину и удалился.

Мы остались стоять на месте. За время разговора я успела осмотреться. Это хорошее место для убийства: вокруг сплошной густой лес. Мы же стояли на поляне, что обрамляла большой дом. Мы снова пошли, но, пройдя пару метров, остановились у дома, и мужик со шрамом, который держал меня, позвал Йена.

– Это теперь твоя проблема, узнай о них всё, что только можно, – наклонившись к моему уху, он стал ядовито угрожать: – Если посмеешь хотя бы подумать о побеге, я тебя поймаю и сделаю очень-очень больно.

На этих словах он меня отпустил, и я тут же упала, но рыжеволосый парень подошёл и подал мне руку, на что я фыркнула и назло ему поднялась сама. Это было одно из самого сложного, что я делала когда-либо. Я стояла перед ним, сбоку находился человек, угрожавший мне, а чуть дальше – Мила, и её всё ещё держали – это был тот мужчина из моего рокового утра.

– Как тебя зовут? – подойдя ближе, Йен стал заглядывать мне в глаза.

– Не твое дело, – мои слова лишь вызвали у них смех, будто они что-то значили.

– Тебе же лучше будет, если ответишь, – всё ещё смеясь, они ждали ответа. Как их может это забавлять?

– Лучше? Что может быть лучше этого? – сейчас и мне стало немного смешно.

– Поверь, сейчас тебе ещё хорошо. Пожалуйста, скажи своё имя, – их начинало раздражать то, что я не отвечаю на поставленный вопрос.

– Сука, меня это уже бесит, – разъярённый голос позади рыжеволосого испугал меня ещё сильнее, хотя я не понимала, как можно бояться больше: это уже предел.

– Пошёл на хрен, – смотря прямо в глаза типу со шрамом, я прошипела.

Не прошло и мгновения, как он подошёл и, наверное, со всей силы ударил мне в живот, отчего я согнулась и упала на землю. Он замахнулся ногой, чтобы добить меня, но, к удивлению, Йен схватил его сзади и отвернул от меня. Всё перед глазами снова потемнело: удар был достаточно сильный. Где-то отдалённо я слышала, как Мила орала моё имя, а рыжий парень успокаивал нападающего.

Повернувшись ко мне, он наклонился, а я наигранно закрыла глаза, будто потеряла сознание – не для того, чтобы не получать увечья, а для того, чтобы не отвечать на вопросы.

– Чувак, не делай так больше, они и так еле живые, а боссу они нужны целые, – парень взглядывался мне в лицо и в это время заговаривая с тем, кто меня ударил.

– Она хоть дышит ещё?

Рыжий приставил два пальца к сонной артерии и ответил:

– Пока да, но ещё один такой удар – и уже будет мертва, – слова Йена вызвали смех у них.

– Чувак, завязывай на неё пялиться, – парень, что разглядывал меня, отвернулся, и я незаметно приоткрыла глаза. Мила просила её отпустить, чтобы осмотреть меня. Она говорила, что её отец доктор, и она может мне помочь, отталкиваясь от знаний, данных ей. Поначалу ей не верили, но позже отпустили.

Подбежав ко мне, она стала тормошить моё тело и делать вид, что осматривает. Я приоткрыла глаза, чтобы видела только девушка, и сказала, что я в порядке. Повернувшись, она стала оглядывать, что вокруг нас. Неподдалёку виднелся чёрный джип. Тот, что держал Милу, пошёл туда доложить. Видимо, и державший меня отвернулся, наблюдая за реакцией босса.

В это время я тихо поднялась, чтобы бежать, но Йен меня остановил. Я поняла, что это была последняя попытка бежать – больше не будет.

Следующие пару секунд прошли как в тумане, словно тот момент в фильме, когда начинается очень напряженная сцена, где, как на первый взгляд кажется, что шансов нет. Но ведь, чтобы не выжил главный герой, – это редкость. Момент – и Йен падает прямо передо мной, а за ним я вижу Милу с огромным булыжником в руках – только сильный выброс адреналина мог позволить ударить так сильно. Думаю, когда есть шанс избежать смерти, адреналина в крови достаточно.

Пока я бездвижно пару секунд стояла, Мила бросилась ко мне, хватая за руку, и перед тем, как она меня развернула, я видела, что он открыл глаза. Ещё пара мгновений – и мы завернули за здание. Лес был на не особо большом расстоянии, и, достигнув его, я хотела по примеру Милы бежать со всех ног. Но непонятное чувство и огромное количество эпинефрина во мне заставили остановиться. Парень всё ещё не поднялся, как нарочно, но, когда остальные заметили, он стал шевелиться в попытках встать на ноги. Первым к Йену подбежал тот, что держал Милу. Не прошло и секунды, как он побежал в мою сторону, но рыжеволосый резко подал голос – он был настолько громким, что даже мне удалось его услышать.

– Придурок, не туда пошёл. Или твоя чуйка на девушек сменила направление? – Грубым и насмехающимся тоном произнес Йен.

– Что ты сказал? – оказалось, что рыжий парень обидел одну из пешек Джо. И тот был слишком глуп, раз вместо того, чтобы искать нас, затеял драку со своим «братом по преступлениям». Заметив это, два других парня стали пытаться разнять их, но напавший идиот наврал им, возможно, отчасти, сказав, что это Йен отпустил нас. Человек со шрамом, по-видимому, правая рука Джозефа, отдал приказ покарать его за это.

На этих словах я одумалась и побежала. Бежала так быстро, как могла. Два неизвестных человека ринулись в лес, но не в нашу сторону, а остальные избивали Йена. Я поняла, что окончательно потеряла Милу, возможно, она думает, что я всё ещё рядом с ней. Ноги были

в ранах, но я всё бежала, оглядываясь по сторонам в поисках девушки, но не находила. Через какое-то время я уже потеряла его счёт. Вскоре вышла на дорогу. Только сейчас заметила, что слёзы не переставали литься. Посмотрев в сторону, я увидела Милу. Облегчение ещё больше сбивало меня с ног. Преодолев наше расстояние, я сильно обняла её и облокотилась; мы стали друг друга придерживать. За всё это время я сделала предположение, что нас увезли за окраину Манчестера. Спустя минут пять мимо нас проехала старая машина, и в ней сидела женщина лет сорока. При виде нас она резко затормозила, все её слова я пропустила мимо ушей. Сев в автомобиль, мы тут же уснули. И из-за сильной усталости доверили женщине везти нас куда угодно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Откровения близких душ

– Куда мы едем? – спустя пару часов пути наконец-то спросила я у женщины, что везла нас. Буквально пару секунд назад я смогла приоткрыть веки. Голова Милы находилась на моем плече, которое я уже почти не чувствовала.

– Как куда? В полицейский участок! А потом и в больницу, вы вообще себя видели? – писклявый и немного отвратительный голос дамы ударил по моим ушам. Я полностью открыла глаза и, как только до меня дошло то, что она сказала, опомнилась. Если мы попадём в полицейский участок, меня отправят обратно, «домой». В место, где я дышать не могла. В место, где царилась ложь, – грязное болото.

Учитывая, что мы так долго ехали и всё ещё не прибыли в здание с надписью «Полиция», то скоро мы там будем. Хоть мой мозг и отказывается думать, нужно придумать план, как выбраться. Оглядев машину, я заметила, что двери были заперты, и идея сама собой пришла мне в голову. Надо было только воплотить её в жизнь.

Мила всё ещё тихо сопела у меня на плече. Разбудив её, я привлеку внимание, и меня раскусят, но, тем не менее, её надо разбудить. Впереди нас была большая яма. В момент, когда машина в неё въехала, я как бы случайно столкнула девушку с плеча, отчего она сразу же проснулась. Представляю, как ей сейчас плохо. Немного придя в себя, блондинка вопросительно уставилась на меня. Повернувшись к ней, я подмигнула. Уверена, это было очень смешно.

Девушка всё ещё была в замешательстве. Впереди показалась заправка. Учитывая то, что ехали уже долго, мы точно остановимся, а это просто идеальный побег. Через минуту машина остановилась, к нам подошёл парень, и женщина стала отдавать ему деньги за бензин, который он позже залил в бак машины. Я же надеялась, что она выйдет к кассе заплатить.

– Эм... Мне надо в туалет... – немного смущённо и устало соврала я. Думаю, она догадывалась, что это может стать проблемой.

– Вы же не хотите сбежать? – пристально наблюдая за нами, она оправдала мои опасения насчёт того, что раскусила мой «гениальный план», но это было ожидаемо, ведь в фильмах именно так и сбегают.

– Нет, конечно. Вы что? Мы поскорее хотим попасть домой! – как можно правдивее я пыталась убедить нашу спасительницу; думаю, Мила поняла, о чём идет речь.

– Хорошо, тогда по очереди, – чёрт, если бы не эта нехватка сна и жуткая боль в голове, как и во всём теле, я бы была более продуманной и предугадала бы, что так и будет. Пока я ругала себя, поняла, что уже схожу с ума. Хотя, я уже давно сошла. Это ведь всего лишь женщина, что хочет нам помочь, а не бандит, везущий нас к смерти. И это не дело всей её жизни. Мои мысли прервал голос Милы:

– Чёрт, мне что-то нехорошо, надо срочно выйти, – держась за желудок, она жалобно посмотрела на даму. На что та, не думая, сразу отомкнула дверь. Мила вышла, а я – следом, поддерживая её.

Каждый раз я всё больше понимаю, как я ошибалась насчёт неё. Я совершенно не разбираюсь в людях. Мила не входит в ту массу легкомысленных. Она смыслёная, и с каждым днем я убеждаюсь в этом. Когда мы подошли к туалету, она позволила нам одним пройти внутрь. Пока Мила имитировала звуки рвоты, я открывала окно. Вытащив ногу, я пискнула от резкой

боли. Раньше мне не доводилось испытывать таких неприятных ощущений, и я совершенно не понимаю, как всё ещё двигаюсь.

Полностью сев на подоконник и свесив ноги, я посмотрела вниз. Носки ног касались земли; я не помню где оставила свою обувь. Встав на землю, я поёжилась от холода. Оставив включённую воду, Мила поспешила следом за мной и вылезла в окно.

Завернув за здание, я наблюдала, как женщина вышла и что-то стала говорить заправщику. Вскоре она снова направилась в туалет и, видимо, не обнаружив нас, вышла оглядеть периметр. Поняв свою глупость, она уехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.